

8. Черниш Т.О. Роль паронімії у розвитку семантичної структури слов'янських історико-етимологічних гнізд із термічними коренями // Акцентологія, етимологія, семантика. Збірник праць на пошану акад. В.Г.Скляренка. – Київ: Наукова думка, 2012. – С. 326-348.

СПИСОК УМОВНИХ ПОЗНАЧЕНЬ ДЖЕРЕЛ

- ЕСУМ – Етимологічний словник української мови: в 7-ми т. – К.: Наукова думка, 1982-2012. – Т. 1-6.
- РСКНЈ – Речник српскохрватског књижевног и народног језика. – Београд: Институт за српскохрватски језик, 1959-1978. – Књ. 1-11.
- СУМ – Словник української мови в 11-ти т. – К.: Наукова думка, 1970-1980. – Т. 1-11.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1978-1991. – Т. 1-7.
- Boryś – Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. – Kraków: Wydawnictwo Literackie. – 2005.
- Fraenkel – Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. – Heidelberg: Karl Winter, 1962-1965. – В. 1-2.
- Smoczyński – Smoczyński W. Lietuvių kalbos etimologinis žodynas. – Vilniaus universitetas, Filologijos fakultetas, 2007.
- Иванова – Иванова А.Ф. Словарь говоров Подмосковья. – М.: МОПИ им. Н.Крупской, 1969.
- Лисенко – Лисенко П.С. Словник поліських говорів. – К.: Наукова думка, 1974.

УДК 81-2

*Григорьев Е.И.
(Москва, Россия)*

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ЗАПРЕТА И НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В НЕМЕЦКОМ И РУССКОМ УСТНОМ ДИСКУРСЕ

В статті розглядаються питання прагматичної організації мовлення з позиції когнітивної лінгвістики. Подібні ментальні образи іллокутивних дій в різних мовах, які формуються мовною просодією, виявляють національно-специфічні риси, що підтверджується при порівнянні просодії іллокутива характера заборони.

Ключові слова: когнітивна лінгвістика, прагматика мовлення, іллокутив, просодична структура, ветотив, концепт.

В статье рассматриваются вопросы прагматической организации речи с позиции когнитивной лингвистики. Сходные ментальные образы иллокутивных действий

© Григорьев Е.И., 2013

в разных языках, формируемые речевой просодией, обнаруживают национально-специфические черты, что подтверждается при сопоставлении просодии иллокутива запретительного свойства.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика, прагматика речи, иллокутив, просодическая структура, ветотив, концепт.

The article deals with pragmatic organization of speech from the point of view of cognitive linguistics. Similar mental forms of illocutionary acts in different languages, which are created by the prosody of speech, disclose national-specific traits. It is confirmed through the comparison of speech prosody of prohibition illocutionary acts.

Key words: cognitive linguistics, illocutionary acts, prosody of speech, national-specific traits, prohibition illocutionary acts, concept.

Исследование национально-специфических особенностей различных типов речевых актов на уровне просодии обусловлено необходимостью выявления адекватных средств межкультурной коммуникации, призванных обеспечить успешный процесс межнационального речевого взаимодействия. Специфика просодического компонента, представляющего собой неотъемлемую часть речевого акта, проявляется в возможности его субъективной интерпретации как на уровне воспроизведения, так и его восприятия в коммуникативном процессе. В ряде случаев эта особенность проявляется в межкультурном взаимодействии в связи с несходством просодических стереотипов, закреплённых в сознании интерактантов, принадлежащих разным культурам.

Культура как многогранное понятие, определяющее в первую очередь форму бытия нации, пронизывает все сферы деятельности человека. Национальная специфика традиций отражена в культуре жилища, питания, одежды и т.д. Одной из сторон проявления культуры является также межличностная коммуникация, позволяющая судить о характере взаимоотношений индивидуумов в данном обществе. В первую очередь это отражается на уровне просодии речи, по которой можно судить о тональности речи, свойственной конкретной ситуации. Знание и владение просодическими нормами иноязычной культуры поможет, во-первых, верно распознавать намерение говорящего, во-вторых, адекватно реагировать в процессе коммуникации на речевые действия партнера, что позволит избежать коммуникативных сбоев. Национально-культурная специфика коммуникативного общения может, например, накладывать ограничения в использовании каких-то иллокуций в определенных экстралингвистических условиях одной культуры, в то время как другая культура таких ограничений не имеет. В данном случае можно говорить о частичном национально обусловленном несходстве признаков концептуализации речевого поведения. Поэтому изучение просодической формы отдельных иллокутивных актов в разных культурах представляется весьма актуальной задачей, поскольку просодия является составной частью формирования концептов речевых актов.

«А концепты», по словам Е.С.Кубряковой и соавт., «будучи единицами когнитивных структур, понимаются как оперативные содержательные единицы памяти, которые обеспечивают умение ориентироваться в постоянно изменяющемся мире путем подведения информации под определенные выработанные обществом категории и классы» [1: 90].

Процесс концептуализации объектов окружающего нас мира является одним из ключевых направлений исследований когнитивной лингвистики. В период развития указанного направления возникло достаточно большое количество определений понятия «концепт» (Арутюнова Н.Д., Бурвикова Н.Д., Верещагин Е.М. / Костомаров В.Г., Воркачев С.Г., Залевская А.А., Карасик В.И. Красных В.В., Кубрякова Е.С., Попова З.Д., Степанов Ю.С., Стернин И.А.). Специфика всех дефиниций заключается в том, что все они в той или иной мере отражают сущность содержания термина, а их многообразие может объясняться сферой научных интересов их авторов [2]. Концептуализации подвергаются отдельные объекты окружающего нас мира, речевые действия и т.д. Все это формирует концептосферу индивидуума.

В современной языковедческой литературе уделено достаточно много внимания концептуализации понятий, выражаемых лексически, морфологически и синтаксически (Бабина Л.В. Беседина Н.А., Магировская О.В., Фурс Л.А. и др.) [3]. Однако до сих пор роль просодических средств в концептуализации высказывания остается неясной. Концепт иллокутивного акта формируется комплексом признаков, которые воздействуют на сознание слушающего симультанно, в результате чего соответствующий образ успешно формируется говорящим и распознается слушающим в потоке речи. Элементами концептуализации являются не только лингвистические компоненты, но и экстралингвистические. Речевое поведение представляет собой процесс выбора варианта для построения социально-корректного и уместного в данной ситуации высказывания, направленного на получение целеполагаемого эффекта общения. Речевое поведение отражает «совокупность норм и традиций общения народа.» [4], оно, соответственно, национально окрашено и предполагает наличие определенных моделей общения. Интерактанты должны отдавать себе отчет в каждом своем речевом действии, которое служит определенной, известной говорящему цели.

В повседневном речевом общении коммуникативное действие не всегда соответствует коммуникативному намерению. Причиной этого, как правило, является недостаточная компетенция говорящего вследствие не слишком богатого коммуникативного опыта. Обычно же у говорящего в его «арсенале» имеется достаточно моделей речевого общения, для того, чтобы избежать такого несоответствия. Именно коммуникативная стратегия предполагает выбор только пригодных для данной речевой ситуации моделей речевого поведения, иными словами, «коммуникативных схем» [5:113].

По мнению О.Д.Белецкой, выбор коммуникативных схем зависит от коммуникативной ситуации и характера отношений в соответствующей социальной среде, с одной стороны, и, с другой стороны, – от коммуникативных установок и эмоциональных состояний самих языковых личностей [6:25]. При соблюдении данного условия в силу вступает так называемый «коммуникативный кодекс» [7:78], представляющий собой систему принципов, которые регулируют речевое поведение интерактантов во время коммуникативного акта, базируясь на ряде категорий и критериев.

В рамках культуры общения выделяются определенные нормы взаимодействия. По мнению И.А.Стернина общекультурные нормы речевого поведения характерны для всей лингвокультурной общности и в значительной степени отражают принятые правила этикета вежливого общения . Они подразделяются на групповые и индивидуальные. Группо-

вые нормы отражают особенности общения, закреплённые культурой для определённых профессиональных, гендерных, социальных и возрастных групп [4:9]. Есть особенности речевого поведения мужчин, женщин, юристов, врачей, детей, родителей и т.д.

Индивидуальные нормы речевого поведения отражают внутреннюю культуру говорящего, а также его коммуникативный опыт и представляют собой личностное преломление общекультурных и ситуативных норм общения, существующих в сознании языковой личности.

Речевые действия сопровождаются специфическими психологическими и социальными процессами, наделяющими говорящего и адресата некоторыми правами и обязанностями. Из этого следует, что социальный статус человека является неотъемлемой частью коммуникативной ситуации, характеризует говорящего и адресата и отношения между ними и находит многообразное выражение в средствах и формах общения, т.е. являются составной частью концептуализации речевого акта. Прагмалингвистический аспект социального статуса позволяет осветить, прежде всего, отношения коммуникативного неравенства. Эти отношения часто бывают скрыты и выражаются косвенно, либо невербальными средствами (человек, осознающий своё более высокое положение, обычно ведёт себя более свободно, пользуется коммуникативной инициативой и пр.).

Одним из частотных речевых актов, появляющихся в процессе коммуникативного общения, является запретительный иллокутив (ветотив). Именно в речевом акте запрещающего характера (отношения неравенства выражены в открытом виде. В самом общем виде запрет определяется как выражение волеизъявления говорящего, направленное на предотвращение или прекращение деятельности адресата, что означает, что в логической структуре запрета есть компонент воли. Запрет – это «непозволение» сделать что-либо, что определяется общественно вредным, ненужным, недопустимым к применению, пользованию» [8:194].

Запреты возникают как ответ на «акты, нарушающие шаблоны должного (или желаемого, Е.Г.) поведения и противоречащие им. Запрещающими актами для говорящего являются такие акты, которые, по его представлению, должны воспрепятствовать определенному действию партнера по интеракции в текущей или отдаленной перспективе.

Иллокутивы запрещающего свойства являются одной из разновидностей в системе речевых актов всякого национального языка. Их использование в процессе интеракции отражает иерархический характер сложившихся в момент речи взаимоотношений говорящих. Ограничения по статусу общающихся позволяют говорить о двух разновидностях речевого поведения – вертикальном (вышестоящий – нижестоящий) и горизонтальном (равный – равный). Таким образом, запрет относится к речевым актам с нисходящим статусным вектором (от вышестоящего к нижестоящему). Граница между различными типами подвижна, она может нарушаться. Именно в речевом акте запрещающего характера отношения неравенства выражены в открытом виде.

Концептуализация предполагает некий перечень элементов действия, на основании которого сознание отражает конкретный концепт. Является ли, например, воспринимаемый иллокутив обычным констатирующим сообщением или прямой позитивной / косвенной негативной оценкой. Так, Н.Решер выделяет пять дескриптивных элемента действия:

1. Субъект (кто совершил действие)
2. Тип акта (что совершено)
3. Модальность действия (как совершено)
 - а) способ совершения действия
 - б) средство
4. Контекст действия (в каком контексте совершено действие)
 - а) временной аспект (когда совершено)
 - б) пространственный аспект (где совершено)
 - в) условия совершения действия
5. Причины совершения действия
 - а) с какой целью совершено действие
 - б) в каком душевном состоянии находился говорящий [9:30].

Используя данную схему, для концептуализации речевых действий запрещающего характера, можно получить следующие признаки исследуемого иллюкутивного типа:

1. Субъект – индивидуум, обладающий в момент коммуникации юридическим, конвенциональным или ситуативно обусловленным правом запрещать.
2. Тип акта – запрещающее высказывание.
3. Способ и средство совершения действия – создание запрещающих иллюкутивов, выражаемых, как правило, строгим тоном, не допускающим иного толкования.
4. Контекст действия – запрет рождается под воздействием реакции на определенный контекст и реализуется на фоне событий и действий других личностей и совершается по определённым принципам, которые применимы в данной ситуации.
5. Причины и цель совершения действия – запрещение слушающему осуществить определённое действие, так как то, что он предполагает совершить, расходится с намерениями говорящего либо является аномальным или недопустимым в данной ситуации.

С целью выявления просодических признаков запретительного иллюкутива в немецком и русском языках был проведен соответствующий эксперимент, связанный с записью на компьютер материала устных дискурсов двух языков, который после принятой процедуры обработки был подвергнут акустическому и математическому анализу. Анализ проводился по признакам частоты основного тона (ЧОТ), интенсивности и длительности, воспринимаемых на слух, соответственно, как мелодика, громкость и долгота звучания. Сопоставлению указанных признаков подвергались следующие показатели: среднее значение иллюкутивных актов, а также характеристики семи слогов – А,В,С,Д,Е,Ф,Г, – представляющих предакт, ритмический корпус и затакт высказывания [10:78]. Эксперимент показал следующее:

1. ЧАСТОТА ОСНОВНОГО ТОНА

1. Средние фразовые значения запрещающего иллюкутива в разных языках дают основание говорить о них как дифференцированных по данному признаку, принадлежащих разным выборкам. Статистический критерий различий превышает минимальный порог более чем в два раза.
 2. Тональный диапазон немецкого директива превышает показатель русского в 1,4 раза.
- В предакте статистически значимо дифференцированы оба слога, хотя различия показателей оказались не очень существенными.

В ритмическом корпусе различия ЧОТ выявлены в точках В и Г, причем показатели признака разнятся убедительно.

Главноударный слог статистически значимых расхождений не обнаружил. Показатель тона дифференцирован в очень малой степени и занимает в обеих выборках третий уровень.

Слоги затакта также различают данный иллокутив в двух языках. Однако относительные показатели признака ЧОТ и здесь разнятся не очень существенно, хотя статистически установленный порог различий достигнут.

3. Характер мелодических контуров и соотношение уровней релевантных слогов обнаруживают некоторое сходство. Максимальные значения ЧОТ в обоих иллокутивах приходится на инициальный слог ритмического корпуса. Начиная с максимального значения, мелодика понижается до уровня разрядки в высказываниях запрета немецкого языка. В речевых актах русского языка контур имеет волнообразный затухающий рисунок. Наблюдается некоторая мелодическая синхронность с переменной позиций слогов. Подобная мелодическая синхронность осуществляется с переменной в слоговых тональных уровнях, которые выше в иллокутивах немецкого языка.

2. ИНТЕНСИВНОСТЬ

1. Средние фразовые уровни интенсивности позволяют дифференцировать сравнимую пару иллокутивов запрещения по данному параметру. Критерий различий соответствует показателю 4, что в 1,7 раза выше минимального порога расхождений.

2. Диапазон интенсивности ветотива русского языка превышает значение немецкого речевого акта в 5,4 раза.

3. Дифференциации на уровне зон сегментации представлены точками локализации всех слогов, кроме точки начальной фазы ритмического корпуса. соответственно, смысловоразличительными являются предтакт, основная часть ритмического корпуса и затакт. Статистическое подтверждение различий установлено в начальном слоге фонации. При выявленном расхождении значений данные различия соответствуют 93 %. Аналогичное соотношение установлено для слога, завершающего предтакт.

В ритмическом корпусе показатель различий названных слогов находится на уровне 90 %, что, по условиям эксперимента, является убедительным показателем различий двух языков.

Аналогичная картина обнаружена в области затакта.

4. Движение фразовой интенсивности показывает, что оба иллокутивных акта значительно различаются по форме изменения изучаемого признака. Немецкий запрет исполняется, как правило, без значительных перепадов громкости, в то время как в русском языке манифестация данного вида речевого действия сопровождается контрастными повышениями и понижениями воспринимаемого признака.

ВЫВОДЫ. Немецкий и русский ветотивы дифференцированы среднефразовым уровнем громкости, а также показателями признака всех трех зон сегментации. Причем немецкий запрещающий иллокутив более ровный по громкости, которая развивается преимущественно во втором уровне интенсивности.

В русском языке интенсивность манифестации запрета колеблется в пределах всех пяти уровней и имеет изломанный контур.

3. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ

1. Различия немецкой и русской звуковых манифестаций ветотива по параметру среднефразовой длительности подтверждаются статистически с достаточно высокой степенью вероятности (более 90%).

2. На слововом уровне различия установлены в шести точках из семи, дифференциаций не отмечено лишь в точке Г – слоге, предшествующем главноударному. Длительность слогов запрещающего речевого акта русского языка преобладает в начальной фазе фонации, в точках А, Б и В. В точках Д, Е и Ж (часть каденции и финал фонации) доминирует долгота немецких иллокутивов.

3. Анализ характера распределения длительности в релевантных слогах показывает, что в повышении и понижении долготы контрастных слогов между иллокутивами отмечается близкая синхронность, в обоих случаях рисунки имеют трехвершинный контур с повышением признака в точках В, Д и Ж.

4. Прямые корреляции ЧОТ и интенсивности немецких ветотивов сконцентрированы в точках А, В и Е., в русских соответствующих иллокутивах они наблюдаются в слогах, обозначенных точками А, Е, Ж.

Корреляции ЧОТ и длительности русских запрещающих высказываний выявлены в точках А и В, в немецких – лишь в точке В.

Длительность и интенсивность коррелируют в русском языке в точках А и В, в немецких иллокутивах – это точка Ж.

ВЫВОДЫ. Сопоставляемые иллокутивные типы относятся к разным выборкам, на основании чего можно сделать вывод об их различных формах реализации.

По тону русский ветотив более однородный, немецкий отличается тональным многообразием, что можно объяснить, вероятно, стремлением немецких носителей языка четкого фиксирования внимания говорящего на основных смысловых точках.

Громкость, напротив, отмечена как более повышенная в запретах русского языка, что дает основание отнести данный фактор к компоненту усиления воздействия на слушающего, снимающего возможные возражения / или неисполнения со стороны слушающего.

В немецком языке исследуемые иллокутивные акты отличается довольно низкий стабильный уровень громкости, что указывает на ограниченную роль громкости как фактор усиления воздействия запретительного высказывания на слушающего.

Таким образом, сравнивая две культуры исполнения запретительных полномочий, можно обнаружить, что доминирующим фактором воздействия на подчиненного в немецком языковом ареале является тон, а именно, его плавное понижение с верхних регистров на нижние.

В русском языковом ареале в большей степени значение придается громкости, посредством которой говорящий старается воздействовать на субъекта, стоящего рангом ниже.

Общие выводы: Концептуализация ветотивного иллокутива происходит в двух языках на основании лингвистических и экстралингвистических признаков. Экстралингвистические признаки могут совпадать в обоих языках. Расхождения между языками в формировании одного и того же концепта отражаются на уровне просодической манифестации. Для немецкого языкового ареала более релевантным фактором формирования концепта запрета является мелодический фактор. В русскоязычной культуре больший вес в кон-

цептуализации запрета имеет фактор громкости. Перенос национально-специфических черт культуры коммуникации из одного языка в другой может способствовать возникновению сбоев в коммуникации

ЛИТЕРАТУРА

1. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина; под общ. ред. Е.С.Кубряковой;
2. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. – М.: Наука, 1976. С. 57.;
3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Ин-т русс.яз. им. А.С.Пушкина, 1999, – 84 с.;
4. Воркачев С.Г. Наполнение концептосферы // Лингвокультурный концепт: типология и области бытования: монография. Волгоград : изд-во ВолГУ, 2007. С.8-93.;
5. Залевская А. А. Концепт как достояние индивида // Слово. Текст. Избранные труды. М, 2005. С. – 234-244.;
6. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: ГНОЗИС, 2013. – 319 с.; Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? – М., 2003. С. 64.;
7. Кубрякова Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // В поисках сущности языка. Когнитивные исследования. – М.: изд-во Знак, 2012. С.16, 17;
8. Попова З. Д. Семантическое пространство языка как категория когнитивной лингвистики // Вестник ВГУ – Серия 1. Гуманитарные науки. –1996, №2.С. 64-68;
9. Степанов Ю.С. Понятие «Концепт», «Антиконцепт». Векторные явления в семантике // Концептуальный анализ языка: современные направления исследования: сб.научн.трудов. –М. – Калуга: Эйдос, 2007. С. 19-26.;
10. Стернин И. А. Когнитивная интерпретация в лингвокогнитивных исследованиях // Вопросы когнитивной лингвистики. –2004, № 1. С. 65-69.
11. Бабина Л.В. Когнитивные основы вторичных явлений в языке и речи: Монография. – Москва-Тамбов: изд-во ТГУ им Г.Р.Державина, 2003. – 263 с.;
12. Беседина, Н.А. Морфологически передаваемые концепты / Н.А. Беседина. –Москва – Тамбов – Белгород: 2006. – 212 с.;
13. Магировская О.В. Репрезентация субъекта познания в языке. Монография. – Москва-Тамбов, 2008. –222 с.;
14. Фурс Л. А. Синтаксически репрезентируемые концепты: Монография.-Тамбов: изд-во ТГУ им. Г.Р.Державина, 2004. -166 с.
15. Стернин И.А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С.4-20.
16. Маркова Л.Ф. Структура образцов речевого поведения.// Диалог глазами лингвиста. Межвуз. Сб. научных трудов. Краснодар: КубГУ, 1994., с. 110-117.
17. Белецкая О.Д. Запрос информации и характеризующие его коммуникативные схемы. – М.:, 1998. – 176 с.

18. Клюев Е.В. Речевая коммуникация. М.: ПРИОР, 2009. – 122 с.
19. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1981. – 815 с.
20. Rescher N. Handlungsaspekte // Analytische Handlungstheorie. – Frankfurt / M.: Suhrkamp, 1985. – Bd. 1. – S. 1-7.
21. Григорьев Е.И. Иллокутивы побуждения и метод выявления их дифференциальных просодических. Монография. – Тамбов, 2007. – 138 с.

УДК 821.10.14

*Коженевска-Берчинска И.
(Варшава, Польша)*

ИНОКУЛЬТУРНОЕ ВОСПРИЯТИЕ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО СЛОВА

Ideas and emotions characteristic for the recent past have a great impact on the present day of man. At the time of perestroika and post-perestroika through words we can see a renaissance of spirituality and a more or less successful return to religious beliefs. This current of inner human needs is destroyed by ruthless market rule and, today, the Russians en masse have forgotten about spiritual dilemmas, giving in to the magic of money.

Key words: ritual public discourse, computer era, Internet, blogosphere, looking for one's own niche, democratic indoctrination, mythologization of reality, renaissance of spirituality, road to the sanctuary, sanctuary-symbol of spirituality, predatory market, Russian democracy, self-identification, existential questions, between the sacred and the profane, unlimited power of money.

Исследование русского языка советской эпохи по понятным причинам было, можно сказать, недоступно на протяжении многих десятилетий, тем более – инокультурным поискам. Публицистический дискурс тех времен имел сугубо ритуальный характер, предлагая имплицитные знания лишь о его создателях и покровителях.

Сегодня мы живем в информационную эпоху, питаемую интернетом и блогосферой. Однако кажется неоправданным отречение от потенциала бумажной публицистики, когда после десятилетий информационной засухи, может быть особенно для нас, иностранных исследователей, советская еще публицистика поздних 80-х по поздние 90-е (и не только!) стала и новооткрытием, но и пульсирующим источником знаний равно о настоящем, как о прошлом. И если тогда слышен был голос порицания, касающийся манкуртизации социума, то также с высот второго десятилетия XXI века, полезно понимать необходимость все-таки беречь память, хотя бы о недавнем прошлом, которое во многом предопределяет поведенческие стандарты дня насущного. Тем более, что прошлое не является таковым для человеческого сознания. Посредством языка выражаются идеи и эмоции уходящих и ушедших поколений, *храня их живое дыхание*. Это дыхание, этот